

Оглавление

Предисловие	11
Пролог	13
Введение	25
Глава 1 ЖИЗНЬ НА “ОСТРОВЕ ВЕНЕЦИЯ” В КЁНИГСБЕРГЕ: СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА	37
Новое начало на Прегеле: основоположник рода Арон Арендт	39
Предприятия и поколения: постоянные перемены	44
От красного галстука до главного инженера: отец Ханны Пауль	56
Новая жизнь: Йоханна, “чуждая школе”	64
Глава 2 ОТ “СОФИСТА” К РАХЕЛИ: НАУЧНЫЙ ПУТЬ	74
Приключения духа: у Хайдеггера в Марбурге	76
Глава 3 ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ТОЛЬКО НА НЕБЕСАХ: У ЯСПЕРСА В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ	91
Стремительная свадьба под Потсдамом, стипендия во Франкфурте	101

Глава 4	“НА СТО ПРОЦЕНТОВ ЕВРЕЙКА”:	
	ПАРИЖСКИЕ ГОДЫ	111
	Ответственность до последнего	111
	Франция — значит свобода	121
	Первая карьера: поступки и слова	132
	Всё для еврейской молодежи	142
	Адъё, алиа, — бонжур, Блюхер	171
	Публицистка в Париже	190
	Напряженные времена	202
	Возвращение к алиа	210
	В центре урагана	221
Глава 5	ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ:	
	“ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА”	225
	В самом центре Нью-Йорка	229
	Истоки “Истоков”	231
	В борьбе за еврейское дело	253
	Атлас белых пятен	280
	Послание к немцам	299
Глава 6	ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:	
	ИСТОЧНИКИ ОПЫТА И ПОНИМАНИЯ	311
	Изменение подхода к миру	311
	Французские дела	321
	Плодородное поле: в издательстве <i>Schocken</i>	324
	Пересекая рельсы традиции: мосты в новом мире	334
Глава 7	ИЗМЕРЕНИЯ ТРЕЗВУЧИЯ: МЕДИЙНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛКА	
	И МЕДИЙНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛ	344
	“Звезда” Второго канала	347
	Всегда прямым текстом	356

Глава 8	ИСПЫТАНИЕ БУРЯМИ И ЧТЕНИЕ МОРАЛИ:	
	ХАЙДЕГГЕР И ЯСПЕРС	370
	Мартин Хайдеггер	370
	Возвращение в незапамятные времена:	
	чувствование по поводу восьмидесятилетия	400
	Карл Ясперс	418
	Истина объединяет: послевоенное трио	433
Глава 9	МЫСЛИ, ОБЛЕЧЕННЫЕ В СЛОВА:	
	ТРУДЫ АРЕНДТ	444
	Огромный корпус и собственное звучание	445
	Сборник, оставшийся в тени: “Сомнительные традиции” ...	455
	Вновь на твердой почве: опыт поиска	460
	<i>Первые шаги в Аифвай</i>	460
	<i>“Венгерская революция”</i>	464
	<i>“Литл-Рок”</i>	467
	<i>“Критик”</i>	473
	<i>“О революции”</i>	476
	<i>“Эйхман в Иерусалиме”</i>	486
Глава 10	ОТСУТСТВУЯ, ПРИСУТСТВОВАТЬ:	
	ЖЕНЩИНЫ О ЖЕНЩИНАХ	501
	Девять минус одна	503
	Женский вопрос	514
Глава 11	СМЕРТЬ ПОСРЕДИНЕ ЖИЗНИ	526
	<i>Благодарности</i>	539
	<i>Сокращения и условные обозначения</i>	545
	<i>Примечания</i>	547
	<i>Указатель</i>	579

Соне

Предисловие

“Актуально” или “современно” — таковы самые частые определения работ Ханны Арендт. Вот уже три десятилетия ее считают современницей и даже читают как “мыслительницу момента” (Ричард Бернстайн).

Глубокий кризис либеральных демократий, продолжающийся с 24 февраля 2022 года военный конфликт между Россией и Украиной, резкое увеличение числа беженцев во всем мире, угроза того, что человечество утратит дееспособность из-за собственных изобретений, а также другие общественные процессы — разве все это не повод подчеркнуть непреходящую “актуальность” Ханны Арендт в биографической книге о ней? Разве ее мысли и поступки не были посвящены борьбе с совершенно новыми тоталитарными режимами XX века? Заступничеству за слабых и борьбе за их право иметь права?

Или все совсем наоборот? Разве актуальность Арендт не доказывает, что весь мир ставит не на ту лошадку? Разве не была она на стороне колониалистов, расистов и тех, кто презирал Израиль? Ее вообще интересовали социальные вопросы, феминизм, гендерное равноправие? Разве не увязла она по колено в предрассудках своего времени и теперь представляет для нас интерес лишь как образец эпохи?

Я решил отступить на шаг назад и показать жизнь и творчество Ханны Арендт почти исключительно в контексте *ее* времени. Ведь в современной ей жизни она участвовала особым образом, как показывает эта биография — первая, основанная на архивных

данных. Будучи в парижской эмиграции в 1934–1940 годах, Арентд не упустила возможность активно заняться судьбами еврейских детей и молодежи и помогла спасти множество жизней.

В дальнейшем, уже в США, Арентд продолжила общественную деятельность в рамках Общества восстановления еврейской культуры (*Jewish Cultural Reconstruction*, JCR), и эти в общей сложности двадцать лет кардинально повлияли на ее образ мышления и действий. Настоящая биография уделяет особое внимание данному периоду, так как сама Арентд не рассказывала об этом опыте, не сделала его частью своего творчества, хотя ее мышление выросло из ее практической деятельности и, в свою очередь, подвергалось рефлексии. В этой книге не предлагается интерпретации этого отрезка ее жизни; акцент делается на его подробном описании.

С октября 2020 года в издательстве *Piper* выходит составленное мной академическое собрание сочинений Ханны Арентд. В запланированные двенадцать томов войдут ее монографии и эссе. Заново выверенные тексты с подробными послесловиями образуют смысловое единство с настоящей биографией.

Передо мной стояла сложная задача, а средства для ее решения были ограничены, и потому во время работы я то и дело вспоминал открытие, сделанное Вольфгангом Хильдесхаймером. В 1981 году он опубликовал отрывки из неизвестной прежде беседы Гёте с английским искусствоведам Эндрю Марбо:

“Я не доверяю никаким пересказам, ваше превосходительство, — возразил Марбо, — даже правдоподобным. Для меня только правда правдива, а правдоподобие — всего лишь подобие”. — “Недурно, мой юный друг, — сказал Гёте, — по-моему, мы тут имеем дело не только со скептиком, но еще и со строптивцем”.

ТОМАС МАЙЕР

Берлин — Шарлоттенбург, 8 августа 2023 года

Пролог

ПОСЛЕДНИЙ ТРОС

Берег, что оставить должен,
Город, брошенный уже...
Вслед за якорем утопшим
Трос ведет к моей душе.
Измени маршрут попробуй,
Океаном окружен.
Что мне виделось Европой,
Ныне стало миражом:
Мир, поющий по-другому, —
Птица, дерево, ветряк —
И до ужаса знакомый
Замогильный вязкий мрак.
Незабвенное былое,
Детский лепет на ветру
Навсегда теперь со мною,
Даже если я умру*.

ГАНС ЗАЛЬ, Лиссабон, 1 апреля 1941 года, “Гвинея”

* Перевод Ирины Луцок. (Здесь и далее — подстрочные прим. перев.)

Десятого мая 1941 года в Лиссабоне стоял погожий весенний денек. Согласно официальной сводке погоды, температура не превышала 19,6 градуса Цельсия. Еще до полудня в порту была завершена подготовка к отплытию “Гвинеи”, оставалось несколько часов до команды “отдать швартовы!”.

“Гвинея” была самым маленьким пассажирским судном из флота португальской судоходной компании *Companhia Colonial de Navegação*. Этот пароход имел особую историю, но внешне она себя не выдавала, ведь его перестроили для новых целей. Он был спущен на воду в 1905 году под именем “Сан-Мигель” и использовался главным образом для грузоперевозок. Для своего времени “Сан-Мигель” был судном быстрым, маневренным и весьма элегантным. В 1918 году, незадолго до окончания Первой мировой войны, он снискал в Португалии всемирную славу, и даже противник нашел для него слова уважения. Капитану “Сан-Мигеля” невероятным образом удалось спасти судно от подлодки самого успешного командира в истории военного подводного флота — капитан-лейтенанта германских военно-морских сил Лотара фон Арно де ла Перьера; пароход ушел от легендарного охотника без потерь и ущерба для груза¹. Дюжину лет спустя, в 1930 году, “Сан-Мигель” был переименован в “Гвинею II” и стал наследником одноименного судна, выведенного из эксплуатации в том же году. Более десяти лет переименованный пароход курсировал преимущественно между Лиссабоном и Кабо-Верде.

Но к 1941 году все изменилось. В первые годы Второй мировой войны нацистская Германия и ее союзники завоевывали все новые территории, оставляя все меньше безопасных мест для беженцев в Западной Европе. Деятельность по спасению преследуемых евреев требовала все больше усилий и транспорта, поэтому Американский еврейский объединенный распределительный комитет (известный под названием “Джойнт”) стал все чаще фрахтовать суда для трансатлантических рейсов². Так “Гвинея”, зафрахтованная “Джойнтом”, 1 апреля 1941 года впервые отправилась по маршруту Лиссабон — Нью-Йорк. В общей

сложности судно совершило семь таких рейсов; в заключительный оно отплыло 19 мая 1942 года. В конце октября 1944 года “Джойнт” зафрахтовал “Гвинею” еще один раз, чтобы перевезти 449 детей и подростков — преимущественно евреев — в Хайфу, куда они благополучно прибыли 5 ноября. Те, кто всходил на борт “Гвинеи”, могли считать себя уже почти в безопасности.

Одним из них был доктор истории искусств, поэт Ганс Заль (настоящая фамилия — Саломон); он отправился в США первым рейсом. Во второй части “Мемуаров моралиста”, опубликованных под названием “Изгнание в изгнании” в 1990 году за три года до его смерти, Заль описал атмосферу португальской столицы — знаменитого “зала ожидания” для эмигрантов:

В порту Лиссабона стояли корабли; они больше не выходили в море или отплывали очень редко. В кофейнях сидели беженцы из разных стран и в ожидании визы громко переговаривались на множестве языков. Там же сидели спекулянты и продавали билеты на маленькие португальские парходики, которые добирались до Америки за четырнадцать дней. Казалось, ты в безопасности... Однако безопасность эта была обманчива. Пока у тебя не было американской визы, ты оставался в Европе, а Гитлер захватил уже почти всю Европу. Так почему он должен был пощадить Португалию? Нужно было торопиться. Обеспечить себе место на судне, пока еще не поздно³.

Что же думали и чувствовали 189 пассажиров — в основном еврейских беженцев со всей Европы, — поднявшихся на борт “Гвинеи” 10 мая 1941 года вместе с Ханной Арендт и Генрихом Блюхером? Например, Эрнст Эмиль Рольман и его жена Хильдегард?

Около года назад родители Рольмана, Ханс и Мария, преследуемые нацистами, в отчаянии покончили с собой во французском портовом городе Кале. В Германии Рольманы были не кем-нибудь, а старинной династией кельнских евреев, вла-

дельцами обувной фабрики в третьем поколении. Двадцать девятого декабря 1921 года Ханс Рольман вместе с Карлом Кауфманом и Карлом Михаэлем основал в деревушке Густерат-Таль под Триром, на реке Рувер, обувную фабрику *Romika*, которая будет преуспевать в течение многих десятилетий. В период расцвета там работало до 2 тысяч человек. Трое сыновей Рольмана, в том числе Эрнст Эмиль, должны были однажды принять управление фирмой, но уже в 1933 году началось систематическое уничтожение профессиональной и личной жизни Рольманов.

Жена Эрнста Эмиля, Хильдегард, в годы Веймарской республики изучала психологию; впоследствии она продолжила свое образование в США и стала очень известным психоаналитиком. И она была не единственной женщиной на борту, хорошо знакомой с трудами Зигмунда Фрейда. Там же находилась родившаяся в 1907 году Кэте Вольф; в 1929 году она защитила диссертацию под руководством знаменитого психолога Карла Бюлера, а потом не менее известный коллега Жан Пиаже переправил ее через Швейцарию в спасительный Лиссабон, и теперь она вместе со своей ученицей и подругой Анне-Мари Лейтцендорф взойшла на борт парохода. Позднее обе они в США стали известными детскими психологами.

Если продолжить изучение списка пассажиров “Гвиней”, отпльвших из Лиссабона 10 мая 1941 года, то мы увидим имена Генриха Блюхера (“писателя”) и его “жены” Йоханны Блюхер. Согласно документу, оба были лицами без гражданства и предъявили визы, выданные в Марселе 19 сентября 1940 года. В них значилось следующее: мужчина, немец, 41 год, родился в Берлине, женщина, еврейка, 34 года, родилась в Ганновере.

Благодаря большой смелости, изрядной доле везения и, прежде всего, поддержке различных людей и организаций Блюхерам удалось не только выйти на свободу из французских лагерей, но и воссоединиться после разлуки. Их последующая встреча в Марселе с американцем Варианом Фраем⁴ и его коллегами была

неслучайной. Фрай представлял основанный в 1940 году Чрезвычайный комитет спасения (*Emergency Rescue Committee, ERC*), который благодаря сотрудничеству с начавшим работу в том же году Комитетом унитарной службы (*Unitarian Service Committee, USC*) и другими группами, в том числе с Парижской квакерской общиной, получил широкую известность в кругах эмигрантов. Однако прежде чем Фрай, окончивший Гарвард филолог-классик и журналист, смог выдать Блюхерам спасительные визы, за сурпугов должен был кто-нибудь поручиться.

Сначала надо было получить аффидевиты — гарантии поддержки со стороны граждан принимающей страны. С ними помог первый муж Арендт, Гюнтер Штерн-Андерс*, живший с 1936 года в Нью-Йорке: благодаря различным еврейским организациям он познакомился с Чарльзом Гудманом, предпринимателем и филантропом. Тот вместе с венгром Моррисом Гинцлером (Морицом Гунцлером), сделавшим карьеру от рассыльного до президента целлюлозно-бумажной корпорации, поручился за чету Блюхеров. На связь же с Фраем вышел, предположительно, Альберт Хиршман, впоследствии известный экономист⁵. Он был знаком с Блюхером и, несмотря на сомнительную репутацию последнего, замолвил перед Фраем словечко за него и за Арендт⁶.

Позднее Арендт и Блюхер были включены под номерами 128 и 129 в один из двух итоговых списков с именами спасенных, которые Фрай и Комитет унитарной службы составили в 1945 году. Благодаря Фраю в свободный мир вырвались и многие знакомые Блюхеров: помимо Ганса Заля среди них оказались Зигфрид Кракауэр и — как следует из списка — Генрих

* Гюнтер Штерн (1902–1992) стал известен под псевдонимом Гюнтер Андерс как философ, поэт, писатель, активист антиядерного и антивоенного движения. В 2011 году вышла книга его воспоминаний “Вишневая битва: Диалоги с Ханной Арендт” с приложением об истории их отношений (ANDERS G. *Die Kirschenschlacht. Dialoge mit Hannah Arendt. Mit einem Essay von Christian Dries: “Günther Anders und Hannah Arendt — eine Beziehungsskizze”*. Hg. v. Gerhard Oberschlick. München: C. H. Beck, 2011). В 2019 году был издан русский перевод его романа “Катакомбы Молюссии” (под ред. Л. М. Бланк, М.: Libra).

Брандлер, который в 1928–1929 годах стоял у истоков Коммунистической партии — Оппозиции (КПО), а в 1933 году покинул Германию и в дальнейшем прожил несколько лет в Париже. Вместе с близким другом и соратником Августом Тальгеймером и его семьей Брандлер добрался до Гаваны — конечной цели своей эмиграции⁷.

Вещей у Блюхеров с собой на борту “Гвиней” было немного. Большая часть их библиотеки была спрятана в Париже у квакерской общины, помогавшей тогда многим эмигрантам. Почти все остававшиеся у них письма, рукописи и документы были утеряны в 1940 году во время бегства или еще раньше.

Имела ли Арендт при себе в каюте издание трагедий Эсхила на древнегреческом? Кажется, это была единственная книга, которую ей “удалось спасти”. Свое письмо Гюнтеру Штерну от 4 августа 1940 года — последнее, отправленное ему из Франции перед бегством через Испанию в Португалию, — Арендт написала на французском и закончила его фразой, как нельзя лучше передавшей суть ее жизни в эмиграции: “*vũn ùpèr lántwv ágúv*”. Цитата из “Персов” выражала настрой, с которым она жила с 1933 года (а возможно, и до того) и думала жить впредь: “Бой за все идет!”⁸ Если прочесть предыдущие стихи трагедии, то получится и вовсе прямая отсылка к парижской работе Арендт — и к ее восприятию истории: “Дети эллинов, / в бой за свободу родины! Детей и жен /освободите, и родных богов дома, / и прадедов могилы!”⁹

Путешествие через океан не обошлось без сюрпризов. Примерно в 1600 милях от Нью-Йорка команда заметила в море крупный объект. Сначала все испугались, что это может быть мина; по воспоминаниям очевидцев, говорили и о “корабле-призраке”. На деле же это оказалась дрейфующая заброшенная баржа, издали словно махавшая “Гвинее” своим тринадцатиметровым краном. Попытка потопить этот металлолом успехом не увенчалась.

Такие истории, а также странности и ужасы, с которыми пассажирам судна пришлось столкнуться в Европе, не оста-

лись без внимания нью-йоркских журналистов. Двадцать второго мая 1941 года, после тринадцати дней пути, “Гвинейя” пришвартовалась у девятого причала в порту Стэплтон на Статен-Айленде, и информация о ее прибытии попала на полосы американских газет.

В 1902–1903 годах дуэт архитекторов “Шнайдер и Хертер”, успешно работавший в Верхнем Вест-Сайде уже несколько лет, возвел по заказу застройщика Абрахама М. Моргенрота многоэтажный жилой дом “Валенсия” по адресу Западная 95-я улица, 317 (317–319), для верхнего среднего класса. Дом расположился на южной стороне улицы между Вест-Эндавеню и Риверсайд-драйв, всего в двух кварталах от станции метро. До эстакадных линий “Бродвей”, “Амстердам” и “Шестая авеню” нужно было пройти еще минут пять. Квартал становился все популярнее, и через пять лет напротив “Валенсии” по проекту тех же архитекторов построили роскошный дом “Пеннингтон” — теперь уже для очень богатых¹⁰. В 1940 году вслед за общей тенденцией в районе и, вероятно, из-за экономического кризиса, начавшегося в конце 1920-х годов, оба здания, как и многие другие, к тому времени уже ставшие классическими, были полностью реконструированы: вместо просторных апартаментов в них теперь располагались преимущественно отдельные комнаты.

В день своего прибытия Арендт и Блюхер заселились в две частично меблированные комнаты в “Валенсии”; мать Арендт немногим позже поселилась в отдельной квартире. Жильем их обеспечил Чрезвычайный комитет помощи перемещенным иностранным ученым, заранее проинформированный о прибытии Блюхеров. К тому времени восьмиэтажный доходный дом на шестьдесят с лишним жильцов уже порядком износился.

На следующий день, 23 мая 1941 года, Арендт телеграфировала Гюнтеру Штерну: “СПАСЕНЫ ЖИВЕМ 317 ЗАПАДНАЯ 95 = ХАННА”¹¹.

Еще несколько дней спустя она напечатала на пишущей машинке следующее:

CURRICULUM VITAE

Я, Ханна Арендт, родилась 14 октября 1906 г. в Ганновере. Осенью 1924 г. сдала выпускной экзамен в гуманитарной гимназии в Кёнигсберге (Пруссия). С 1924 по 1928 г. изучала в университетах философию, протестантскую теологию и греческую филологию: как основной предмет — философию, как второстепенные — теологию и греческий. Философию мне преподавали профессора Хайдеггер (Марбург), Гуссерль (Фрайбург) и Ясперс (Гейдельберг), теологию — проф. Бультман в Марбурге и проф. Дибелиус в Гейдельберге, греческую филологию — проф. Регенбоген также в Гейдельберге. В 1928 г. под руководством Ясперса в Гейдельберге я защитила диссертацию о понятии любви у Августина, которая в 1930 г. была издана в серии философских трудов издательством *Springer* (Берлин). Благодаря рекомендациям господ Ясперса, Хайдеггера и Дибелиуса я получила в 1930 или 1931 г. стипендию Общества взаимопомощи немецкой науки на выполнение работы о проблеме немецко-еврейской ассимиляции на примере жизни Рахели Фарнхаген. В эти годы я опубликовала следующие крупные сочинения: “Философия и социология” в журнале *Die Gesellschaft*, “«Дуинские элегии» Рильке” в *Neue Schweizer Rundschau*, “Лессинг и Мендельсон” в *Zeitschrift für die Wissenschaft des Judentums*, “Рахель Фарнхаген” в *Reklam-Almanach*. Статьи об Адаме Мюллере, Фридрихе Генце, Августине и других, а также книжные рецензии публиковались в *Kölnische Zeitung*, *Frankfurter Zeitung* и *Archiv für Sozialwissenschaft*.

В августе 1933 г. я эмигрировала в Париж, где в первые годы не занималась научной деятельностью, чтобы на практике получить представление о еврейском вопросе. После краткого периода работы секретарем у Арнольда Цвейга я возглавила педагогический отдел Комитета по распределению евреев —

беженцев из Германии (*Agriculture et Artisanat*^{*}) и основала в 1935 г. французское отделение Молодежной алии^{**} для детей беженцев, которое до 1936 г. переправило в Палестину около 120 детей. В ходе работы я провела в 1935 г. три месяца в Палестине. Бюро Молодежной алии за два года его существования я расширила до своего рода консультации для юношества, поскольку прежде подобного учреждения в Париже не существовало. После 1936 г. я занималась этой работой только по совместительству, поскольку благодаря правительству Народного фронта стало возможным получать разрешения на работу для молодежи, а сертификаты в Германии требовались более срочно. В конце 1936 г. я стала секретарем новообразованного комитета по защите Давида Франкфуртера. Было собрано и предоставлено в распоряжение адвоката Франкфуртера большое количество материалов; однако все попытки повлиять непосредственно на стратегию защиты провалились.

С 1937 г. до ноябрьских погромов 1938 г. я не вела практическую деятельность и занималась научными исследованиями. В этот период я зарабатывала на жизнь преподаванием философии. За это время я дописала работу о Рахели Фарнхаген и начала работать над историей антисемитизма. На эту тему я прочитала ряд лекций в Немецкой высшей школе Парижа. Ноябрьские погромы 1938 г. и новая волна беженцев во Францию положили конец этой созерцательной деятельности; я вернулась к практической работе, и Еврейское агентство (Центральное бюро по переселению немецких евреев, д-р Ландауэр, Иерусалим) ознакомило меня со всеми вопросами, касавшимися иммиграции детей и взрослых из Центральной Европы во Францию. Во время войны я с помощью Сионистской организации Франции создала службу для интернированных немцев и австрийцев, главной задачей которой было освобождать людей из концлагерей.

* “Земледелие и ремесло” (*фр.*).

** Молодежная алия (*Kinder- und Jugend-Aliyah*) — организация по спасению еврейских детей и молодежи от нацистов, созданная в 1933 году.